

СМЕХ И ГРУСТЬ ПИСАТЕЛЯ

90 лет со дня рождения М. М. Зощенко

Максим Горький считал Михаила Зощенко самым популярным русским прозаиком 20-х годов. В 30-х годах слава этого литератора достигла апогея. Зощенко стал личностью и легендарной и нарицательной одновременно. Его фразы и обороты типа «собачка системы пудель», «отвечай, как на анкету» — вошли в разговорную речь. Люди говорили: «Зощенковский персонаж», «Ну, прямо из Зощенко»...

Были и другие приметы славы. Десятки самозванцев бродили по стране, выдавая себя за знаменитого Зощенко. Писатель получал счета из ресторанов, где никогда не бывал, из комиссионных магазинов, которые не посещал, и даже повестки в суд. Один из самозванцев покорил сердце провинциальной актрисы, и настоящий Зощенко долго получал потом грозные письма с требованием алиментов.

Человек, которого считали великим юмористом, отличался необычайной скромностью и сдержанностью в проявлении чувств. Даже друзья никогда не видели его смеющимся. Был он красив, небольшого роста, любил хорошо одеваться, ценил в людях вежливость и

гакт, не выносил фамильярностей.

Биография его необыкновенна. Происходил из дворян, но порвал со своим сословием. В первую мировую войну отмечен четырьмя наградами за «выдающуюся храбрость» и был представлен к пятой. После войны переменял около двадцати профессий: работал главным комендантом почтамта и телеграфа, дегустатором, агентом уголовного розыска, актером, инструктором по кролиководству и куроводству, столяром, постовым милиционером, сапожником, счетоводом, портным... В 1921 году опубликовал свой первый рассказ. «Цель жизни, — говорил Зощенко, — найти призвание». Его призванием стала литература.

Читая его книги, люди корчились от приступов неудержимого смеха. Исполнители произведений Зощенко на эстраде вынуждены были постоянно прерывать чтение: хохот зрителей перекрывал их голос. Иногда, очень редко, после долгих уговоров выступал с чтением своих рассказов сам Зощенко. Читал с непроницаемым лицом, голосом ровным, без всякого выражения — и тогда зрителей уже приходилось даже выно-

сить: некоторым от смеха становилось дурно...

Смеялись все, не смеялся только Зощенко. Смех был в его книгах, а в душе таилась грусть. Неприхотливая публика и часть критики любила его за то, что он смешил, принимала за отчаянного весельчака, а он удивленно и искренне спрашивал на премьере своей пьесы: «Почему они смеются? Что здесь смешного?».

Он считал себя не юмористом, а сатириком. Своим главным врагом называл мещанина. Он высмеивал стяжателей — обывателей, которые, приспособившись к социалистической действительности, мошеннически пользовались ее лозунгами, обеспечивая себе тепленькое местечко под солнцем. Зощенко виртуозно использовал косноязычие и неуклюжесть их жаргона, неспособность пользоваться разумной человеческой речью.

«В мелких страстях и страстишках мещанского микромира, в неожиданных и диких курьезах быта Зощенко находил и демонстрировал всем опаснейшие бактерии, отравляющие жизнь и работу людей», — писал близко знавший его писатель Вениамин Каверин.

Очень разные люди уважали,

любили и высоко ценили Михаила Зощенко: Максим Горький, Владимир Маяковский, Алексей Толстой, Александр Фадеев, Виктор Шкловский, Константин Федин, Анна Ахматова, Дмитрий Шостакович...

Горький ждал новых книг Зощенко «с трепетным нетерпением». «Такого соотношения иронии и лирики я не знаю в литературе ни у кого, — писал он. — Огромное дело делает этот человек. Огромное».

На чем основывается популярность Зощенко сегодня? В первую очередь, конечно, на том, что это очень интересный и своеобразный художник. В литературу он вошел со своей собственной темой и героями. В каждой книге он выглядит по-новому, но всегда остается самим собой, литератором с собственным почерком, писателем большого гражданского чувства и встревоженной совести.

Свой биографический детский рассказ «Не надо врать» Зощенко закончил так: «И я, лежа в своей постели, услышав эти слова, горько заплакал. И дал себе слово говорить всегда правду. И я действительно так всегда и теперь поступаю. Ах, это иногда бывает очень

трудно, но зато у меня на сердце весело и спокойно».

Есть и другая причина. И в наши дни многие персонажи Зощенко еще не стали историческими. Изменился их пейзаж, переменялась внешность. Порой они заканчивают институты и получают дипломы. Знают о Кафке и Сальваторе Дали, но никогда не держали в руках книг Толстого. Разъезжают на собственных автомобилях и имеют дачи. Но пошляк с дипломом — то же, что и пошляк без диплома. Хам в автомобиле — то же, что и пеший нахал.

Творчество никогда не утомляло Зощенко. Он писал рассказы и повести, пьесы и фелетоны, киносценарии, литературно-научные эссе, биографические очерки, детские рассказы. Он великолепно перевел книги финского писателя Майю Лассила «За спичками» и «Дважды рожденный», мечтал заново перевести «Похлождение бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека.

Его произведения издаются и переиздаются, переводятся на десятки иностранных языков. Его творчество привлекает внимание не только литературоведов, но и языковедов, психологов. Сам же он предстает сегодня настоящим советским писателем-гражданином, никогда не отделявшим себя от народа и стремившимся всегда честно служить ему своим пером.

Г. ПЕТРОСЯН.
(АПН).